

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА
ПРИСНИСЬ**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Оформление серии *Д. Васильченко*

Редактор серии *В. Горюнова*

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 Приснись / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-196134-3

К своим тридцати годам Женя научилась не страдать из-за того, что ее внешность не вписывается в общепринятые стандарты красоты, ведь в мире столько вещей, которые вызывают радость в душе! Но однажды она начинает видеть сны, которые заставляют сомневаться, что ее мир реален...

Мистика или вполне объяснимое чудо приоткрывает двум незнакомым людям дверцу в мир друг друга? И можно ли помочь человеку, который тебе только снится? Загадочная история открытия себя настоящего, проверки на прочность женской дружбы и познания истинной любви. Чем все завершится в новогоднюю ночь?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196134-3

© Лавряшина Ю., 2024

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

* * *

Прямо на траве среди кустов под моим окном сидит мальчик с золотой головой. Конечно, на самом деле у него только волосы рыжие или, скорее, медные, но когда смотришь с третьего этажа, кажется именно так... Этот ребенок появился недавно, они с мамой поселились в соседнем подъезде: то ли снимают квартиру, то ли купили, в такие подробности я не лезу. Но мальчишке явно одиноко в нашем дворе, он ни с кем не успел познакомиться, потому и прячется среди кустов. На вид ему лет семь-восемь, хотя трудно судить по макушке, а его лица я не вижу.

Может, он совсем не чувствует себя одиноким и вокруг него сейчас оживают невиданные миры, но у меня все равно замирает сердце, когда я смотрю, перегнувшись через подоконник, на его маленькую фигурку внизу. Не скажу, что я была счастливым ребенком, но у меня всегда была Милка...

Хочется сделать что-то для этого мальчика, который вряд ли ждет подобного от незнако-

мой соседки... Я медленно осматриваю комнату, и меня осеняет! Через несколько секунд из моего окна вылетает крылатый кот и направляется прямым ходом к ребенку. Заслышав жужжание, рыжик, наверное, запрокидывает голову, но этого я уже не вижу — прячусь, чтобы появление летающего кота показалось ему чудом.

Эту заводную игрушку мне подарила Милана лет десять назад, чтобы кот поднимал мне настроение, когда ее нет рядом. И он исправно выполнял свои обязанности все эти годы... Пришло время сменить хозяина, этому ребенку сейчас компаньон нужнее. Милка не обидится, она всегда понимала меня лучше всех.

Снизу доносятся возгласы, что-то вроде:

— Ух ты! Круто!

Замерев у окна, улавливаю, как жужжание обрывается — мальчик ухватил кота. Сейчас они знакомятся, я представляю его счастливую улыбку, и мое сердце колотится как заполошное. Надеюсь, этого не слышно внизу. Я не выгляну из окна, только сброшу пульт, ведь мой маленький сосед наверняка думает, что летающего друга ему послала прекрасная волшебница. Поэтому лучше ему не видеть меня.

Почему? Я некрасива и толста. При маленьком росте я — типичная кубышка. Имею в виду пузатый глиняный сосуд, а не водное растение...

Принимаем как данность. Чем напрасно обмусоливать эти слова, упиваясь безнадежностью, пропитавшей каждый слог, лучше прислушаться, как заливаются безымянная птаха

П Р И С Н И С Ь

в густой листве черемухи, растущей прямо за моим окном. Я точно знаю, что дереву двадцать три года: мы посадили его с папой накануне дня, когда он отвел меня в первый класс. До этого в моей комнате в бутылке с водой жила веточка, источая аромат нежности и робких надежд, и каждое утро я проверяла — пустила она корни или нет? Когда это произошло, я с утра пораньше с индейскими воплями ворвалась в родительскую спальню и принялась скакать по свободной половине большой постели. Как только не разнесла кровать на щепки?

К тому моменту папа уже полгода спал в ней один. Он так и не рассказал мне, почему вдруг уехала мама. В самом деле — вдруг... Не сказав мне ни слова, не поцеловав на прощание. Может, ей противно было каждый день видеть такого ребенка, как я? Больше напоминающего неуклюжего слоненка с большим носом и маленькими глазками... Или она просто влюбилась и ее унесло волной такой мощи, о какой я и не догадываюсь?

Папа молчит об этом уже много лет. И по утрам, когда я изображаю на обожаемом им омлете какую-нибудь мордашку, солнышко или сердечко, чтобы он улыбнулся, сев за стол. Выкладываю их зеленым горошком или мелкими кусочками помидоров, а если на завтрак каша, то разрисовываю ее ягодами — летом свежими, зимой выуживаю из варенья.

Это всегда срабатывает, и папа уходит на работу в хорошем настроении. Но не заикается о главном...

Молчит об этом и по вечерам, неизменно находя в кармане халата маленькую шоколадку к вечернему кофе — все как он любит. Вот тогда папа расслабляется и рассказывает... обо всем, случившемся за день. Я узнаю, какие гениальные конструкторские решения нашли ребята его бюро, какую шутку он придумал сегодня, как вела себя Краля — дворняга, живущая на территории их предприятия, всеобщая любимица. Только не о том, почему мы с ним остались вдвоем.

Знает ли он сам причину или так же много лет теряется в догадках, впивающихся в сердце, точно осколки стекла? Наша жизнь и впрямь оказалась стеклянным шаром, до жути непрочным... Я не допытываюсь, кто из них выступил тайным стеклодувом, не ковыряю свои и папины раны. Бессмысленно.

Так же, как напоминать себе, что я некрасива.

Это признание вовсе не мерещится мне в шелесте черемухи, к которой я привязана почти как к Милке, — с деревом мы тоже выросли вместе. Я зову ее Сашкой в честь героини любимой в детстве книги «Дорога уходит в даль...» Если Милана занята, а мне не терпится поделиться чем-то, я приоткрываю раму и нашептываю о заветной Сашке. В ее черных ягодах вовсе не застыла скорбь, они крупные и сладкие, я собираю их прямо из окна и ем немывтыми. А потом злорадно ухмыляюсь, показывая перепачканные зубы зеркалу, которое, верно, думает напугать меня отражением. Наивная стекляшка! Сашка смеется вместе со мной, мелко подрагивая листиками.

П Р И С Н И С Ь

Черемуха не единственная, кому я дала имя. В палисаднике у подъезда растет белый шиповник Гоша, названный тоже не просто так, а в честь приснившегося однажды светловолосого малыша с нежными пухлыми щечками. Во сне он был моим сыном, и я целовала его личико, обмирая от нежности, едва трогая губами... В них до сих пор живы щекочущие касания его пушка на макушке. Как могут ночные видения быть настолько тактильными? Он издавал грудные трели, которые все еще звучат в моем сердце, хоть я уже смирилась с тем, что этому сну не суждено сбыться...

Но мои дни вовсе не начинаются и не заканчиваются рыданиями перед зеркалом, в котором отражается нечто, имеющее ко мне весьма условное отношение. Не скажу, что это зрелище вызывает тошноту, все же у меня было почти тридцать лет, чтобы привыкнуть к тому, как я выгляжу, но и задерживаться перед магической гладью, поглощающей отражения, не тянет. С зеркалами вообще надо держать ухо востро — это известно всем, кто читал в детстве сказки.

А моя прабабушка предупреждала, что зеркало утягивает красоту, поэтому смотреться в него нужно пореже. Правда, говорила она это не мне...

О своей некрасивости я узнала уже на следующий день после того, как мы с папой посадили черемуху. Положив на парту букет пионов, я с трепетом ждала, кого же учительница пода-

рит мне в соседи и, конечно же, в друзья! Разве не так бывает в школе? И чуть не задохнулась от восторга, когда она подвела ангелоподобного мальчика, на которого страшно было даже взглянуть в открытую.

Но внезапно он скривился и выкрикнул так громко, что зазвенело в ушах:

— Женька — уродина! Я не буду с ней сидеть!

Откуда он узнал мое имя? Или слухи о страшненьком слоненке за семь лет расползлись по всему району? Еще и фамилия у меня Ширина... С ударением на первый слог, но те, кому всласть кольнуть побольнее, конечно, переносят его на последний.

Фразы-стрелы, выпущенные тем мальчиком, вонзились в сердце и голову. Мир вокруг вспыхнул молнией, не знающей жалости только потому, что она из другой среды, и погас — на миг я ослепла и оглохла от боли. Она была нестерпимой до того, что я... расхохоталась. Не знаю, возможно, сбойнула некая защитная реакция организма, но с тех пор любая обида вызывает у меня приступ смеха.

Трудно поверить в это, но в тот раз мне на помощь пришел весь класс. Уж не знаю, как случилось, что вместе собрались самые лучшие ребята на свете... Мы прошли все школьные испытания, как верные присяге бойцы — плечом к плечу, и наш чат до сих пор ведет довольно бурную и уж точно не формальную жизнь.

В тот день я, семилетняя, вытирала счастливые слезы, выведенные смехом, слушая, какое

П Р И С Н И С Ь

жизнерадостное ржание сотрясает воздух. Кажется, тогда в общем хоре я различила удивительно звонкий Милкин смех... А красивый мальчик, имя которого давно забылось, попятился, покрываясь багровыми пятнами, выскочил из кабинета и вскоре исчез из школы совсем. Уродина выставила его дураком, что оказалось куда хуже... Боюсь, выбегая в пустой коридор, тот мальчишка виделся себе злобным карликом, которому не нашлось места в компании нормальных детей. И его ждал долгий одинокий путь...

С тех пор минуло уже два десятка лет, которые не сделали меня краше (разве что еще толще!), но с того сентябрьского дня меня занимает психология красивых мужчин. Каково это — быть свободным от любых комплексов? Идти по миру уверенной поступью победителя, не отступающего на выбоинах? Не допускать даже грана сомнения, что тобой любят все вокруг и каждой девушке хочется поймать твой несравненный взгляд?

Честно, я не жалуясь на жизнь! Но хотя бы на часок мне хотелось бы побывать в такой прекрасной шкуре... Понять: эти красивые, высокие мужчины с правильными чертами лица и поджарыми телами влюблены в себя до абсурда? Или с годами перестают замечать свою красоту точно так же, как я собственную неприглядность? Осознают ли они, что мир полон куда более интересных вещей, чем форма носа? Даже если она безупречна...

И главное, способны ли относиться к себе с иронией? Или же красивое лицо, подобное

солнцу, неистово иссушает ту тайную железу, в которой зарождается умение посмеяться над собой?

— Глянешь на тебя — вечно сияешь, — неодобрительно замечает наша соседка, когда я выхожу из подъезда. — Чему радуешься-то?

— Вас встретила, вот и радуюсь!

Говорю искренне, потому что именно ворчливая Валентина Ивановна с вечно разваливающимся пучком на голове помогала мне, тринадцатилетней, со всякими женскими премудростями, о которых я слышала и читала, но не смогла разобраться на практике. А для Милки этот период жизни еще не наступил... Делилась соседка и секретами, как правильно приготовить варенье, чтобы ягоды не развалились (чем потом рисовать на каше?), и почему огурчики получаются хрустящими при засолке.

Хотя при этом бубнила, хмурия яростно подведенные карандашом брови:

— На гитаре бренчать каждый может, тоже мне — профессия! Хоть готовить научись, раз деньги не умеешь зарабатывать.

А через четверть часа неизменно просила:

— Сыграй мне, а? Для души...

Такая вот смешная у нас соседка.

Сейчас мне не до смеха: за спиной мой ученик с ненавистью дергает гитарные струны, издающие сильные звуки, которые напоминают стоны пленного с кляпом во рту. А я смотрю на амариллисы на подоконнике: цветущий белым — это

П Р И С Н И С Ь

князь Мышкин, а жгуче-красная, конечно же, Настасья Филипповна. С ними приятно поговорить, пока не начались уроки, они понимают меня почти так же, как черемуха, ведь они тоже посажены моими руками. Но Сашка живет дольше, так что лучше знает этот мир...

За спиной раздается протяжный вздох, и это уже не гитара:

— Ну, бли-ин...

В нашей школе искусств Миша Кравцов хотел заниматься лепкой, но его папа изложил свою жизненную стратегию в двух фразах:

— Кому на хрен нужны эти бирюльки? А с гитарой хоть по электричкам сможешь зарабатывать!

В жизни не встречала человека, желающего своему сыну такого конкретного будущего... И, кстати, электрички у нас не ходят.

Пальцы у Мишки ловкие, быстрые, но одно это не поможет ему в совершенстве овладеть гитарой, которую он ненавидит.

— Достаточно, — прошу я.

Мне больно за них обоих.

Симпатичное Мишкино личико уныло обвисло, безнадежность давит на его плечи, зудит в кончиках пальцев, стертых о струны. Он смотрит на меня взглядом каторжника, у которого впереди еще целая бездна мучений.

— Хочешь, я еще раз поговорю с твоим папой?

— А смысл? — откликается он по-взрослому. — Разве мой папа кого-то послушает?

— Я учитель. Ко мне он должен прислушаться.

Миша издает невнятный звук, похожий на «пф-ф», выражая крайнюю степень падения учительского авторитета в обществе. И возразить на это нечего... Но я уже знаю, что не сдамся, ведь меня ничуть не привлекает роль мучителя этого ребенка. Я не могу заставить ученика полюбить гитару, хотя сама с ней не расстаюсь и даже спать укладываю рядом, как любимую дочь. Единственную.

Мишка со стариковской угрюмостью смотрит в пол. Такое выражение я не раз замечала у постояльцев дома престарелых, куда раз в неделю захожу просто поиграть. Разумеется, бесплатно. Мне нравится наблюдать, как их лица светлеют, омытые паутиными волнами музыки, но с Мишкой этот номер не проходит. Он терпеть не может мой инструмент... При этом я ничуть не сомневаюсь: если б Миша Кравцов познакомился с гитарой как слушатель, то открыл бы сердце ее колдовским переборам. Неправильность была в самой их встрече...

— Хорошо, что я выбрала гитару, а не твой контрабас. С ним мы могли бы мериться бедрами! И зрители мысленно прикидывали бы: у кого из нас больше объем?

Моя коллега, преподаватель по классу виолончели и контрабаса, откликается смехом, точно зная, что не обидит меня. С Ниной мы работаем в музыкальной школе уже лет десять, и у нее было время убедиться: я не притворяюсь такой.

П Р И С Н И С Ь

— Ой, Женька, ты как скажешь... По кофейку? Как Нине удалось раскрутить нашего нового директора на хорошую кофемашину, до сих пор остается загадкой даже для меня. Хотя с длинной ног как у Джулии Робертс и похожей улыбкой, думаю, это не составило ей труда. У меня от кинозвезд, пожалуй, только нос, как у Барбары Стрейзанд, которую я, понятное дело, обожаю... В шестнадцать лет я часто повторяла себе: уж если она с таким носом стала кинозвездой, то мне не составит труда одолеть жизнь обычного человека. Сейчас я больше не нуждаюсь в подобном самовнушении, ведь выжить мне уже практически удалось.

И знаете, что самое поразительное? Я обожаю этот мир!

* * *

Ненавижу этот мир.

Родился я с этой ненавистью в мире, лишенном солнца. Вы в курсе, что в Москве двести пасмурных дней в году? С детства низкое небо осыпало меня серыми хлопьями уныния, вот почему то и дело тянет взвыть — я постепенно превращаюсь в волка.

Или я рос обычным мальчишкой до того момента, когда пошел гигантский град? До сих пор слышу, как он стучит по окну, через которое, вскарабкавшись на подоконник, я следил, как «Скорая» увозила маму. Какие слова он выбивал? Или только одно-единственное? Мне до сих пор трудно выго-

варивать его даже мысленно... Только будь я проклят, если кому-нибудь в этом признаюсь!

Отчим тогда не поехал с ней, в те годы еще не вошло в моду, чтобы мужья присутствовали при родах. Наверное, поэтому у меня застряло в памяти: Коновалов не спас ее. Сволочь.

Градины, похожие на ледяные пули, изрешетили мамино тело, и она истекла кровью.

Так и не сказав мне ни слова, Коновалов напился вечером, а утром за мной приехал мой родной отец. Такие машины, как у него, никогда не появлялись в нашем дворе, и поглазеть на «шикарную тачку» сбежались все окрестные пацаны. В другой день это стало бы источником ликования, но тогда я не чувствовал ничего. Я весь целиком был онемевшим, как отсиженная нога. Колоть стало позднее...

Еще в подъезде папа взял меня за руку, видно, по мне не было похоже, что я самостоятельно доберусь да машины, но я машинально вырвал ее. Еще не хватало, чтобы на глазах у пацанов меня вывели во двор, как малыша. Кажется, он понял. Открыл передо мной дверцу, и это было уже совсем другое дело, как будто это я хозяин роскошного автомобиля.

Раздался стон:

—Ма-акс! Это твоя?!

Я кивнул. Как мне представлялось, сделал это с достоинством, а как там вышло — черт его знает! Кто-то из моих друзей, теперь уже бывших, запулил снежком вслед нашему автомобилю, но не добросил. Почему-то это запомнилось...

П Р И С Н И С Ь

— Мы едем к маме? — спросил я отца, когда он сел рядом со мной — за рулем был его личный водитель.

Он замялся, отведя глаза, такие же, как у меня, — серые с синевой, в узорчатых радужках все пытаются что-то прочесть... И пробормотал:

— Сынок, ты поедешь со мной. Ты же не против?

Помню, как я обрадовался, ведь обычно папа забирал меня по воскресеньям, а сегодня был только четверг. С тех пор я ненавижу четверги.

— В Сокольниках погуляем? Или на ВДНХ?

Он вздохнул:

— Конечно. Где-нибудь... Но сначала...

И только тогда я сообразил, точно открутив действие немного назад: отец вынес большую спортивную сумку, которую водитель поставил в багажник. До меня дошло, что мы забрали всю мою одежду. Зачем? И почему он велел упаковать в большой пакет мои любимые конструкторы? Похоже, я был туповат в семь лет.

Странно, я отлично помню этот невнятный момент моего переезда к отцу, но совершенно забыл, как именно он объяснил мне, что мамы больше нет. Какие слова подобрал? Представляю, как ему было тошно... Ведь он любил ее, я сам слышал, как мама со смехом говорила кому-то по телефону, что «бывший» до сих пор надеется нас вернуть. Нас обоих.

— Ну ты представляешь? Три года как развелись! Ведь женился уже, а все не может успокоиться, что я предпочла ему Коновалова.

Почему ей нравилось звать второго мужа по фамилии? Не так уж она благозвучна... А учитывая, что мама погибла в руках врача, хоть и совсем другого коновала, приобретает еще и зловещий оттенок. Наша с папой фамилия Оленин куда красивее, но его мама называла только безликим «бывшим».

С трудом укладывается в голове, что я уже ровесник его тогдашнего, ведь он стал отцом, едва окончив институт. А у меня семья и дети — только в перспективных планах, весьма смутных... Мне же удастся зачать ребенка лет в пятьдесят?

Мой батя, как я зову его за глаза, и его вторая жена Ольга — лучшие люди в моей жизни. Если б не они, я вырос бы еще большей скотиной... Впрочем, многие считают меня отличным парнем, перечисляя в уме банальный набор: красив, умен, богат... Последнее наверняка становится первым в сознании девушек, которых я время от времени привожу из клубов в новенькую квартиру, подаренную отцом на тридцатилетие.

Одна из них проснулась сейчас рядом со мной. Господи, помоги мне вспомнить ее имя! Впрочем, через час я снова забуду его, и уже навсегда, как и ее саму, неотличимую от десятков других длинноволосых блондинок.

Но сейчас ее голос тонкими иглами впился в мой страдающий от похмелья мозг:

— Котик, ты сваришь кофе?

Почему они все так противно растягивают слова?! Это кажется им милым? «Котик» с удо-

П Р И С Н И С Ь

вольствием выел бы сейчас ее мозг, смачно по-чавкивая, только вряд ли он обнаружится в этой изящной черепной коробке...

Моя собственная готова взорваться от боли. Большие пальцы уже нащупали точки в основании черепа, которые нужно давить изо всех сил, чтобы заглушить болью еще большую. Этому научил меня врач, с которым мы пили в каком-то кабаке. За последние годы его совет стал самым полезным из всего бурного потока информации, который обрушивается на нас, как только мы спросонья берем в руки телефон.

Пока я со свирепым выражением давил на скрытые точки, безымянная блондинка сползла с постели и скрылась в ванной. Лучше бы в подъезде, но и это уже неплохо. Своего кофе она так и не дождалась, но я не обижу ее, останется довольна. Правда, хоть убей не помню: заслужила ли она свой гонорар? Но это, как говорится, мои проблемы... Пить надо меньше. Надо меньше пить! Все же смотрели тот легендарный фильм?

— Макс, ты отвезешь меня?

Кажется, я задремал, пока она смывала с кожи следы моего существования. И даже успел ухватить обрывок странного сна, будто уже виденного или... Не знаю. Может, мне просто знакома эта смешная девчонка, похожая на веселого слоника? Я толком и не помню тех, с кем учился в школе и в институте... Была она среди них? И с чего вдруг приснилась? Такая точно не из тех, о ком можно грезить ночами...

— Не могу, — простонал я, изображая еще большие страдания, чем испытывал на самом деле. — Вызови такси. Деньги в шкатулке на столе.

Я всегда готовил их заранее перед тем, как отправиться в клуб, уже зная, как будут развиваться события.

— Ты не дал мне номер телефона...

— Напиши свой, я перезвоню. Там есть листок. Тоже заготовленный заранее. Все отработано. Я не перезвонил еще ни одной.

Моя жизнь — чертов День сурка. Неделя за неделей все развивается по одной схеме и заканчивается одинаково. С понедельника по пятницу я изображаю успешного молодого менеджера в компании отца и, как ни странно, даже приношу пользу. По крайней мере, батя ценит мои советы и предложения. И мне греет душу, что я могу отблагодарить его хотя бы такой малостью за жизнь, которую Коновалов загубил бы в два счета.

Лучший день в моей жизни — воскресенье, когда я просто брожу по городу с фотоаппаратом и заново учусь любить этот мир после субботы, которую обычно провожу в обнимку с подушкой, глотая обезболивающее. Вечер пятницы, проведенный в клубе, бесследно не проходит... Зачем я снова и снова бросаю себя в этот отстойный омут, выбираться из которого мука мученическая? Даже будь я евреем, не назвал бы субботу святым днем... Но сынов Израиля, насколько я знаю, в нашем роду нет.

А та толстушка с хоботом вместо носа, с чего-то приснившаяся мне, скорее всего, еврейка. Ее темные волосы выются, чуть отблескивая золотом, как